

Белорусы и литвины: разрешим ли спор?

Евгений ПОДЛЕСНЫЙ,
кандидат
политических наук

Вопрос «Кто мы – белорусы или литвины?» актуален не только в среде профессиональных историков. Он не оставляет равнодушным никого в Беларуси, вызывая законное желание познать историческую правду.

Значимость темы возрастает многократно после появления полемических материалов в СМИ, подобных статье некоего Э. Тобина «Хто і як ахалуізаваў ліцвінаў...», напечатанной в одном из августовских номеров «Народнай волі» за 2010 год. Ее прочтение вызывает шок. «Не магу пагадзіцца з заганнай канцэпцыяй аб паходжанні г.зв. «белых русаў»... Дык навязаны нам... «белы рус» – гэта «белы ХАМ», а Белая Русь, выходзіць, БЕЛАХАМІЯ?.. Жывая мова нашага народа – ліцвінаў, літвы – фарміравалася ў працэсе эвалюцыі, задоўга да стварэння дзяржавы ВКЛ Міндоўтам у XIII стагоддзі...» – пишет автор «из Смоленич» [1].

По этому поводу российский ученый А. Широкопад замечает: «...в современной Белоруссии... кое-кому не понравилось... быць беларусамі, і яны аб'явілі сябе літвінамі. Нет, не літовцамі, а літвінамі, будто между этими двумя терминами еще с X века была большая разница. Литвины – это славяне, а литовцы – современные этнические литовцы...» [2, с. 360]. 20 мая 2000 года в Новогрудке был подписан Акт провозглашения литвинской нации, который был размещен в ряде печатных СМИ и интернет-порталах за подписями В. Нагнибеды, А. Юцкевича и еще 25 человек. Термин «белорусы», введенный, по их мнению, российскими властями в XIX веке, закреплял периферийность местного населения по отношению к России, и он

должен быть заменен на «литвины» [3]. Однако столь радикальные предложения вызывают возражения у убежденных противников мифологизации «литвинов» в белорусском обществе. Так, известный белорусский историк Я. Трещенок считает, что «литвины... остались вечным меньшинством на белорусской земле. Они не смогли принять ценности народа, но тщетно пытались навязать ему ценности своей ограниченной группы, прибегая при этом к помощи и поддержке внешних сил. Они... всегда претендовали на роль господ... в крайнем случае на роль доверенных приказчиков при господах чужеземцах» [4, с. 7].

«РУСКИЕ» В ВКЛ

Исторический контекст, в котором происходит развитие феномена «литвины», – Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское и иных, которое было образовано в первой половине XIII века с приходом литовского князя Миндовга в Новогородок. На первом этапе оно представляло собой федерацию Литвы и «русских» княжеств, где мирно сосуществовали два народа – литовцы и «русские», две религии – язычество и православие.

ОБ АВТОРЕ

ПОДЛЕСНЫЙ Евгений Яковлевич.

Родился в 1948 году в России, в 1950 году родители переехали на родину матери – в д. Новодворцы Слуцкого района. Окончил Минское суворовское военное училище (1967), Новосибирское высшее военнополитическое училище (1971), Военно-политическую академию (1979), Академию общественных наук при ЦК КПСС – Российскую академию управления (1992).

Службу проходил на должностях армейского политсостава – от заместителя командира мотострелковой роты по политической части до начальника политического отдела танковой дивизии. После провозглашения независимости Республики Беларусь служил в аналитических и воспитательных структурах Витебского областного военкомата, Министерства обороны и Военной академии Республики Беларусь. С 1997 по 2001 год был доцентом кафедры оперативного искусства Военной академии.

Полковник. Кандидат политических наук (1992).

Автор 10 учебных пособий и ряда публикаций в периодической печати. Сфера научных интересов: военно-политическая аналитика и история.

Полоцкие, Туровские и Новгородские земли, составляющие большую часть современной Беларуси, были заселены, в основном, русинами. Совместное проживание славян и балтов в княжестве было в определенной степени мирным и взаимовыгодным.

Многочисленные исторические документы безальтернативно указывают на два территориальных субъекта ВКЛ того времени – «Литву» и «Русь», на два основных этноса – «литовцев» и «русских» как часть восточнославянского мегаэтноса с единой культурой, верой, языком и письменностью. В посланиях Гедимины говорилось о «русских» и «литовцах» ВКЛ [5, с. 22, 28]. Летописцы крестоносцев, описывая походы своих отрядов на средневековую Беларусь, как правило, использовали термин «Русь» [6, с. 42]. Схожие определения встречаются и в немецкой «Хронике» Германа Вартберга: «В 1348 году прусские братья опустошали с войском... землю языческих литовцев...

битва, в которой пало более 10 000 литовцев и русских, призванных на помощь из различных мест... Лантмара (Владимир), Брейзика (Брест), Витебска, Смоленска и Полоцка» [7, с. 83–87]. Характерен пример «Жалованной грамоты» польского короля Сигизмунда II Августа от 1563 года, которой уничтожались униженные положения Горodelьского сейма. Она была обращена не к православному «литвинам», в ней говорилось: «...станы Руских земель... яко Литовского, так и Руского народу... люди веры христианское, яко Литва, так и Русь...» [8, с. 80–81]. И уж совсем показательны текст буллы Папы Климента VIII от 23 декабря 1595 года: «Русские (рутэны) епископы и вся эта богатая и славная нация...» [8, с. 118]. А на медали в честь церковной унии была выбита надпись: «Ruthenis receptis» («На обращение русских») [9, с. 121].

В этих свидетельствах, как и многих других, мы не видим упоминания термина «литвины». Как социально-политическая сила они появились в середине XV века

в результате борьбы двух цивилизаций на землях ВКЛ: западнохристианской и восточнославянской, в ходе сложных социально-психологических и политических процессов, вызванных несовершенством и внутренними противоречиями государственного устройства Великого княжества Литовского, представлявшего собой компромиссную и достаточно хрупкую в политическом отношении структуру. Русины составляли большую часть населения, но политическая власть в стране принадлежала литовской княжеской династии, языческой аукштайтской знати, и делиться ею с кем-то она категорически не желала. Из своих представителей верховная власть формировала большинство государственных институтов и политических элит, которые принимали политические решения. М.В. Довнар-Запольский говорит об этом так: «Витовт боролся с удельным князем, окружая себя почти исключительно литовскими элементами» [10, с. 65].

Широкие права и автономия отдельных земель страны существенного влияния на выработку политики государства не оказывали. Примером этой очевидной ситуации явилась Кревская уния с Польшей 1385 года, перевернувшая судьбы народов ВКЛ. По сути она положила конец литовско-русскому («русскому») периоду ВКЛ и мирному сосуществованию его народов, так как одна из главных функций государства – политическая (обеспечение политической стабильности, осуществление властных полномочий и выработка политического курса, отвечающего потребностям и чаяниям населения) – перестала распространяться на русинов. Образовавшаяся литовско-польская конфедерация на базе утверждения в ней католицизма в качестве государственной религии создала предпосылки для выведения православных русинов за рамки правового поля.

С высоты XXI столетия трудно понять значение в средние века веры, лежавшей в основе общественной психологии и общественного сознания. Она являлась определяющим инструментом этнокультурной идентификации народов, была основным системообразующим фактором всего социального организма. Религия составляла основу духовности личности отдельного че-

Символическое изображение Горodelьского сейма как симфонии шляхетских гербов

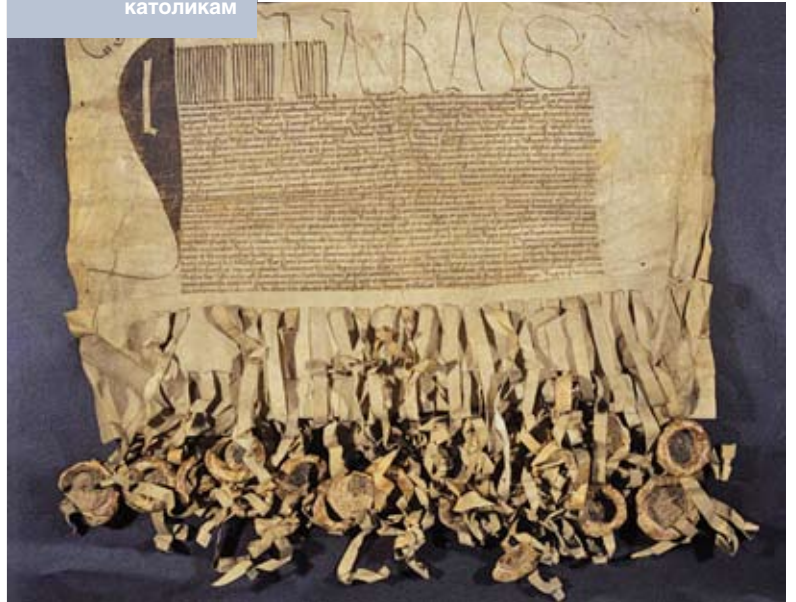
ловека и народа в целом, смена вероисповедания приводила к утрате национальной самобытности и историческому забвению. Поэтому 8/10 жителей ВКЛ, приверженных православию, по воле собственных правителей в одночасье лишились своих прав и подлежали превращению в другой народ посредством конфессионально-этнической «переплавки». В основе этой концепции лежало следующее положение литовско-польского Городельского сейма 1413 года: «...часто различие в верах приводит к различию в умах (мнениях)...» [8, с. 70]. На Городельском сейме под руководством польского короля Владислава (Ягайло) и великого князя Витовта к уже имевшимся были введены еще более резкие ограничения экономических и гражданских прав православных, их имущественных и личных гарантий. В специальном параграфе решений сейма было записано: «...урядником назначаются только католической веры поклонники и подвластные святой Римской церкви. Также и все постоянные уряды земские, каковы суть должности, каштелянства, жалуются только исповедникам христианской (католической) веры и к совету нашему допускаются, и в нем присутствуют, когда обсуждаются вопросы о благе государства» [8, с. 70]. На основе его постановления 47 знатных литовских родов вступали в гербовое братство с польскими родами и получали исключительное наследственное право на высшие государственные должности в Литовском государстве. Современный литовский исследователь Робертас Гирконтас дал такую оценку этому событию: «Окружение Витовта было католическим... Городельской унией особое положение окружения Витовта было закреплено юридически... Образовалась особая корпоративная группа, став впоследствии костяком правящего класса ВКЛ» [11, с. 254].

Для ускорения разрушения национального архетипа «русинов» и закрепления позиций католицизма великий князь ВКЛ Сигизмунд учредил на 43 года раньше, чем в Испании, святую инквизицию «...съ правомъ разыскивать и карать еретиковъ и русскихъ отщепенцевъ, приводить ихъ «въ послушаніе римскому двору» и не позволять имъ строить и возобновлять церкви» [12, с. 120]. В это же время невиданными темпа-

ми шло создание организационной структуры католической церкви. За полтора года после Кревской унии были открыты Виленское, Луцкое и Жемайтское епископства, подчиняющиеся непосредственно польской епархии. Через некоторое время в ВКЛ стали действовать 259 парафий (католических приходов) с костелами [13, с. 169–170].

Столь системная «работа» против православных славян начала приносить свои плоды. Отдельные представители «русской» знати из-за страха потерять свое состояние и желая приобщиться к привилегиям приняли католичество, польско-литовский образ жизни и традиции. Пережив конфессионально-культурные ценности поляков и литовцев, они совместно с

Оригинал акта Городельского сейма об унии Великого княжества Литовского с Польшей и привилегиях католикам

этническими литовцами составили единый социальный слой – «литвины», который стал заменять в политико-правовых отношениях и государственных документах той эпохи этноним «литовцы», а за границей его название стало выражать гражданскую принадлежность жителей страны к ВКЛ.

Понятие «литвин» в ВКЛ зачастую не имело ярко выраженного этнического содержания, поэтому «литвины» в княжестве представляли довольно пеструю картину: католики, протестанты, униаты, «сарматствующие литвины», италийцы и т.д. При этом за «русскими» признавалось право отдельного этноса в государстве. Великий князь Казимир Ягайлович в договоре с Новгородом 1440 года так говорит

о своих «литвинах» и «русских»: «...А што моихъ людей, или Литвинъ, или Витбленинъ, или Полочанинъ, или Смолнянинъ, или съ иныхъ нашихъ Рускихъ земель...» [14, с. 52]. Названия «Литвин» и «Русин» были законодательно закреплены в Статутах Великого княжества Литовского: «...все мы и потомки наши Великіе Князи Литовскіе давати будутъ повинни только Литве а Руси... толко здавна продковъ своихъ уроженецъ Великого Князства Литовского Литвинъ и Русинъ» [15, с. 81]. Для «русских» на старобелорусских территориях ВКЛ термин «литвин» был чужим в этническом отношении. Как отмечает известный историк Г.Я. Голенченко: «Палітонім або тэрытарыяльна-палітычнае азначэнне беларусаў як «ліцвінаў» у той час яшчэ не ператварылася ў эндаэтнонім, паколькі апошнім для беларускага і ўкраінскага этнасу ў XIV–XVI стст. (а ў пэўнай ступені і пазней) заставаліся тэрміны «Русь», «рускія людзі», «русiны»... [16, с. 46]. И великий Франциск Скорина для обозначения своего гражданства, а возможно и для «политического удобства», в 1505 году в Краковском университете назвал себя «литвином», но в Падуанском университете уже записался как «русин», показав свое национальное происхождение, а в Праге как «Рус» (RUS). «Руским» без всяких оговорок считал себя Василий Тяпинский, который в своей знаменитой «Прадмове да Евангелля» воскликнул: «Рад покажу мою веру, которую маю, а злаща народу своему рускому...» [17, с. 405].

НА ПУТИ К САМООПРЕДЕЛЕНИЮ

Признание властями ВКЛ русинов в качестве самостоятельного национального субъекта государства, возможность для них оставаться «русскими», а не «литвинами» были завоеваны отчаянной борьбой за веру и свои права многими представителями знатных «русских» и литовских фамилий православного вероисповедания. Так, герой Куликовской битвы Андрей Полоцкий (Ольгердович) заключил в 1379 году союзный договор с московским государем, великим князем Дмитрием. А в 1379 и 1386 годах он поднимал восстания с целью создания отдельного от Вильно западно-

русского православного государства. Эта идея в той или иной степени пронизывала все дальнейшие выступления православной знати против диктата Литвы и Польши в Западной Руси: гражданскую войну 1432–1436 годов под предводительством называвшего себя «русским князем» Свидригайло (Ольгердовича), расколотившую страну на две части, заговор в 1481 году против короля Казимира, восстание 1508 года под руководством князя Глинского, исход князей Воротыньских, Белявских, Мерецких, Вяземских, Бельских, Можайских и др. на службу к московскому царю вместе с вотчинами. Все это поставило страну на грань государственной катастрофы.

Пытаясь предотвратить такую ситуацию, король Польши Ягайло и великий князь ВКЛ Сигизмунд в 1432–1434 годах приняли несколько решений о сохранении государственного суверенитета ВКЛ, но в рамках «вечной» унии с Польшей, а также об уравнивании в правах феодалов католиков и православных. В «Жалованной грамоте» великого князя литовского Сигизмунда Кейстутовича от 1434 года записано: «...желаем наши земли Литовские и Руские упорядочить... чтобы между народами этих земель не было никакого раздора... как литовцам, так и руским» [8, с. 71]. Но только в XVI веке, вопреки ожесточенному сопротивлению литовской католической знати, «русских» стали реально допускать к государственным постам, официально отменив в 1563 году запреты второго параграфа Городельской унии. Надо отметить, что эти уступки благоприятно повлияли на общую ситуацию в стране, и белорусская знать в своем большинстве стала добросовестно служить великокняжеской власти. Но это не была их самоидентификация с «литвинами». На белорусских землях под влиянием логики исторических событий шли объективные процессы осознания русинами себя самостоятельной нацией. Подобных выводов придерживается и литовский историк Эдвардас Гудавичюс: «Русские, жившие в

Памятник князю Андрею Ольгердовичу в Полоцке

литовском и польском государствах, стали ощущать себя отдельным этносом. Себя они называли русскими... московитян русскими не считали... с начала XVI века следует вести речь о русинской национальности, проживающей в Великом княжестве Литовском» [18, с. 446–447].

Это выражалось в стремлении сохранить и защитить свою национальную веру и церковь путем создания православных братств, ставших серьезной социально-политической силой ВКЛ в XVI веке, и в обозначении себя «беларусами», а западнорусского региона «Беларусью». Польский писатель и историк Ян Чарнковский, описывая арест Ягайло и его матери, уже в XIV веке «назвал Полоцк белорусской крепостью (in quodam Castro Albae Russiae, Poloczsk dicto)» [19, с. 15]. В XVI столетии название нашей страны как «Беларусь» получило широкое распространение. «Цэнтрам распаўсюджання гэтай назвы быў Кракаўскі ўнівэрсытэт» [20, с. 168]. При этом если польские авторы М. Кромер, Я. Мончинский, М. Стрыйковский писали на польский или латинский манер Bielorusacy Litewscy, то «первый исторический белорус» кальвинист С. Рысинский в имматрикуляционных актах Альтдорфского университета за 2 декабря 1586 года обозначил себя «Solomono Pantherus Leucorussus» (Соломон Пантерус белорус)» [21, с. 8]. По мнению О. Латышонка, «...самаазначэньне Рысінскага было свайго роду інтэлектуальным пераломам... Рысінскі сваю нацыянальнасць акрэсліў грэцка-лацінскім тэрмінам, а радзіму – грэцкім... сучаснае гучаньне гэтай назвы ў беларускай мове – «беларус» [20, с. 185].

В основе преобразований общественного сознания русинов ВКЛ и осознания ими себя белорусской нацией лежало разрушение многолетних надежд жителей Западной Руси на единение «русских» в их противостоянии с западной цивилизацией. Целый ряд белорусских и зарубежных историков приводит признание посла Па-

пы Римского Антонио Поссевино во время Ливонской войны: «...Жители Беларуси выкрыты в стремлении даровать победу московцам». Общим правилом для белорусской шляхты второй половины XVI века была выдача инструкций своим делегатам на вальные сеймы о том, чтобы «з усходняй суседкай не было непаразуменняў, жыць з ёй у міры паводле падпісаных раней «трактатаў». Так, шляхта Ашмянскага павета ў 1590 годзе звярталася да караля Рэчы Паспалітай Жыгімонта III, каб ні ў якім разе не пачынаў чарговай вайны з Масквой...» [22, с. 57]. Но приход царских войск во время бесконечных московско-литовских войн не оправдал надежд белорусского населения на избавление от этнического и конфессионального угнетения. Белорусы увидели, что «московцы» отличаются от них как по общей культуре, так и по целому ряду других признаков. Это было вполне закономерно, ибо нахождение в культурных и цивилизационных пространствах разных государств наложило отпечаток на тех и других. Здесь необходимо указать, что этому способствовали также особенности исторического этногенеза на белорусских землях. Там в первом тысячелетии нашей эры схлестнулись славянская колонизация и балтский фактор, внесший значительный вклад в формирование всего спектра социума «старажытных» белорусов (антропологию, фольклор, культуру и т.д.). Осознание белыми русами своего отличия от московских единоверцев и послужило отправной точкой для начала формирования белорусской нации как европейской части русского мира в границах ВКЛ. Белорусы начали становиться исторической явью.

«САРМАТЫ» БЕЛАРУСИ

Но естественный ход формирования белорусской нации резко обрывается после образования польско-литовской федерации в 1569 году (Люблинской унии). С появлением Речи Посполитой дискриминация православно-русской части населения приняла ярко выраженный характер, столкновение восточнославянской и западнохристианской цивилизаций стало бескомпромиссным. В сложившихся обстоятельствах почти вся белорусская знать

«Библия руская»
Франциска
Скорины. 1581 год

выбрала сторону последней. Произошло то, что редко происходило во всемирной истории. Магнаты и большинство шляхты белорусских земель, владеющие материальными и интеллектуальными богатствами и в силу этого обязанные быть носителями национальных духовных ценностей, отказались от своего народа. История сохранила примеры, когда внука столпа православия ВКЛ К. Острожского стала одной из самых ярых гонительниц своих православных подданных, а Николай Кристоф, по прозвищу Сиротка, сын Николая Радзивилла Черного, издавшего Библию многотысячным тиражом на «русском» языке, по словам В. Игнатовского, «затраціў 5000 чырвонацаў на тое, каб знайсці кнігі Бібліі, каторую выдаў яго бацька, і спаліць іх рукою ката» [23, с. 119]. При этом характерной особенностью для абсолютного большинства наследников древних «русских» фамилий было стремление переписать свои геральдические корни и отказаться от славянских истоков. Так, Острожские свою родословную стали считать не от турово-пинских Рюриковичей, а от «Данилы с Острога» – внука литовского князя Наримонта, Ходкевичи от жмудского боярина Борейковича [24, с. 120]; заславские Глебовичи от «знатного католического рода Монивидовичей» [25, с. 7]; Сапеги от Наримонта – сына Гедимиона [26, с. 223] и т.д. Доктор исторических наук Е.К. Новик называет национальным предательством такое поведение элиты народа, которая «...в обмен на собственные права и привилегии предала свой народ, отказалась от его религии, языка и культуры, добровольно признала себя частью другого польского этноса» [9, с. 101]. Такую же оценку этим событиям давал в начале XX столетия один из мэтров белорусской истории В. Ластовский: «Памалу шляхта пакідае ўсё роднае, беларускае, забывае аб справе нацiональнай... Так злiвалася беларуская шляхта з польскай... станавiлася чужой у родным краю...» [27, с. 64]. Но, наверное, наиболее остро выразил боль нации по поводу измены белорусской элиты епископ Мелетий Смотрицкий в своем известном «Фриносе» («Треносе») (1610), где он говорит от имени православной церкви: «Где теперь тот нецененный камень...

где теперь дом князей Острожских, который превосходил всех ярким блеском своей древней (православной) веры? Где и другие также нецененные камни моего венца, славные роды русских князей, мои сапфиры и алмазы, славные князья Слуцкие, Заславские... Вишневецкие, Сангушки, Чарторыйские, Пронские... Горские, Соколинские... Пузыны и другие без числа? Где вместе с ними и другие роды – древние, именитые, сильные роды славного по всему миру силой и могуществом народа русского: Ходкевичи, Глебовичи, Кишки, Сапе-

Шляхта в Гданьске.
Фрагмент картины
Вильгельма
Стриёвского.
Конец XIX века

ги... Воловичи... Пацы... Корсаки... Семашки... Калиновские... Сосновские... Поцеи и другие? Вы, злые люди, (своею изменой) обнажили меня от этой дорогой моей ризы и теперь насмехаетесь над немоющим моим телом, из которого однако вы все вышли. Но помните: прокляты всяк, открывающий наготу своей матери! Прокляты будете и вы все, насмехающиеся над моей наготой, радующиеся ей. Настанет время, что все вы будете стыдиться своих действий» [28, с. 200].

Столь глубинные изменения в белорусской элите позднего средневековья происходили не только из-за страха перед многочисленными санкциями властей Речи Посполитой против православных. Во многом они объясняются силой влияния государственной идеологии Польши – сарматизма и блеском западной образованности, принесенной иезуитами на белорусскую землю. Квинтэссенцией сарматизма являлось признание польской

аристократией и шляхтичами себя потомками древнеиранских племен сарматов. Они провозгласили Польшу фундаментом христианства, опорой католичества в Восточной Европе, которая несла божественную миссию новой цивилизации, где не было бы ни поляков, ни литвинов, ни русинов, а жители должны были делиться на граждан – сарматов (магнаты и шляхта), мещан, владельцев собственности, и холопов, гражданами не являющихся. Свои воззрения польские сарматы использовали для коренной ломки общественного сознания и институтов ВКЛ. В «Энциклапедыі гісторыі Беларусі» выделяются положения в теории сарматов, которые идеологически обосновывали польско-литовскую унию, единство шляхты Польши, Литвы, Беларуси и Украины : «...палякі і літвіны нібыта ў асноўным паходзяць ад сарматаў, гэтым падкрэсліваючы роўнасць і аднароднасць шляхецкага стану Рэчы Паспалітай» [29, с. 230]. В этом аспекте «литвины» как этнокультурная категория являлись, с точки зрения сарматов, удобной переходной ступенькой для «безболезненного» вхождения народов ВКЛ в лоно «Республики Короны Польской и Великого княжества Литовского». Соответственно «литвины» на территории Беларуси из разномастной по убеждениям и предпочтениям «толпы» закономерно превратились в единую народность, являющуюся составной частью польских сарматов. «Литвины» находились в культурном ареале *Slavia romana/latina*. Их этнокультурную идентификацию составляли католицизм, польский язык и польская культура, выраженные в известном тогда афоризме: «Gente Lithuanus, natione Polonus» (По роду литвин, по нации поляк) [30, с. 108]. Полонизованные шляхтичи, составлявшие основную массу «литвинов» на белорусских землях, были объединены не только политическими, но и социально-экономическими целями: эксплуатация и управление «холопами» – белорусским народом, остававшимся верным заветам своих предков «русинов». По всем признакам «литвины» Речи Посполитой не имели ничего общего с белорусами, кроме территории: они находились с ними в разных цивилизационных и культурных пространствах.

Белорусские крестьяне. Рисунок М. Микешина. 1856 год

Историческая действительность располагает многочисленными подтверждениями антогонистических конфликтов двух частей одного народа в XVII–XIX веках. В их основе лежало противоречие между стремлением «литвинов» действовать в канве политики Римского престола по окатоличиванию жителей ВКЛ, их полной ассимиляции с польской нацией и нежеланием населения Беларуси изменять национальной вере, принимать католичество и польскую культуру. В одном из донесений папского нунция того времени в Польше было замечено: «Не поддается описанию, насколько русский народ ненавидит католиков... при виде римско-католического ксендза они плюют на землю от ужаса и отвращения» [7, с. 393].

Но Рим нашел пути решения проблемы вовлечения православного населения ВКЛ под свое влияние, главными из которых были меры, направленные на лишение «русских» базовых элементов их национально-культурной самоидентификации. Практическими исполнителями задуманного стали иезуиты и литвины на белорусских землях, выступавшие как объединенная церковной и светской власти. В первую очередь в этих целях на землях княжества как альтернатива православию в 1596 году была введена церковная уния. За этим последовало закрытие православных братств, от государственного двуязычия в ВКЛ (польского и «русского») перешли к одному языку – польскому, под надуманными предложениями запрещалась продажа и издание книг на «русском» языке, повсеместно вместо кириллицы утверждалась латиница и, самое главное, проявлялась беспрецедентная даже по средневековым меркам жестокость к иноверцам. В решениях Виленского съезда представителей православной и евангелической церковью в 1599 году отмечалось: «... за преданность своей религии преследуются

различными способами... на них нападают в их домах, их оскорбляют, грабят, ссылают, изгоняют, лишают земель и имущества... Их хватают в городах и на открытых дорогах Речи Посполитой, их заключают в тюрьмы и подвергают неслыханным терзаниям, избивают, топят и убивают...» [7, с. 381]. Одновременно законами Речи Посполитой от 1668 и 1674 годов отступничество от католичества и униатства объявлялось уголовным преступлением.

Надо отметить, что такое всестороннее воздействие сказалось на национальном архетипе населения старобелорусских земель, и оно к 1772 году в своем большинстве уже было униатским и католическим, стало называть себя «литвинами-белорусцами», или «белорусцами-литвинами». Эти названия не оставляют возможности приписать их авторство исключительно российским чиновникам, так как в них проявлялось отторжение этнокультурных ценностей «литвинов», желание народа остаться белорусами. «Литвин-белорусец» – это «литвин» по принуждению и «белорус» по существу, диалектика политонима и этнонима. Сейчас можно ломать копыта и высчитывать: где жители Беларуси называли себя «беларус-

цами», а где нет, кто первым применил этот термин и т.д. Вместе с тем исторической аксиомой является факт безболезненного и в абсолютном большинстве добровольного отказа белорусов от униатства и их массовое возвращение к вере отцов и дедов после вхождения в состав Российской империи. Этим самым доказывается чужеродность унии и крах намерений лишить белорусов их национального самосознания и собственной идентичности как нации.

Таким образом, с одной стороны, на территории Беларуси в результате векового насилия над «русинами», составлявшими большинство населения старобелорусских земель, сформировалась этнокультурная категория «литвины». Ее главной движущей силой была изменившая своему народу белорусская знать. Перенимая западнохристианские ценности, «литвины» выступали антагонистами белорусов с их ориентацией на православно-славянскую культуру. До 1917 года они воспринимались внешними силами, в том числе и руководством царской России, в качестве представителей воли всего белорусского народа. И для этого имелись все основания, поскольку они владели абсолютным большинством материальных и интеллектуальных ресурсов белорусского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тобін, Э. Хто і як ахалуізаваў ліцвінаў... / Э. Тобін // Народная Воля. – 2010. – 17 жніўня.
2. Широкоград, А.Б. Русь и Литва. Рюриковичи против Гедиминичей / А.Б. Широкоград. – М.: Вече, – 2004. – 395 с.
3. Акт провозглашения. Великолитва // Литвины [Электронный ресурс]. – 2007–2009. – Режим доступа: <http://litvania.org/akt2000.htm>. – Дата доступа: 24.02.2011.
4. Трещенок, Я.И. История Беларуси: в 2 ч. / Я.И. Трещенок. – Ч. 1.: Досоветский период: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2004. – 296 с.
5. Гедимин. Послания Гедимина / АН Литов. ССР. Ин-т истории; подгот. В.Т. Пашуто и И.В. Штоль. – Вильнюс: Минтис, 1966. – 197 с.
6. Сагановіч, Г. Сярэднявечная Беларусь вачыма нямецкіх храністаў (XIV – пачатак XV ст.) / Г. Сагановіч // Гісторыя, культуралогія, мастацтвазнаўства: матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый», Мінск, 21–25 мая, 4–7 снеж. 2000 года / рэдкал.: В. Скалабан (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. – С. 41–45. (Беларусіка = Albaruthenica. Кн. 21).
7. Белоруссия в эпоху феодализма. Сб. документов и материалов: в 3 т. Т.1.: С древнейших времен до середины XVII века. – Минск: Изд-во Академии наук БССР, 1959. – 498 с.
8. Уния в документах: сб. / сост. В.А.Теплова, З.И.Зуева. – Минск: Лучи Софии, 1997. – 520 с.
9. Новик, Е.К. История Беларуси: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е.К. Новик, И.Л. Качалов, Н.Е. Новик. – 2-е изд., испр. – Минск: Выш. школа, 2011. – 526 с.
10. Довнар-Запольский, М.В. История Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. – Минск: Беларусь, 2003. – 675 с.
11. Гирконтас, Робертас. Гражданин ВКЛ и религия в XV веке / Робертас Гирконтас // Наш радавод: матэрыялы Міжнар. навук. канфер. «Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі XIII – пач. XX стст.» Гродна, 28 верасня – 1 кастрычніка 1992. / рэдкал.: Д. Караў, Г. Галенчанка, У. Конан [і інш.]; – Кн. 4 (частка 2). – Гродна, 1992. – С. 253–256.
12. Белоруссия и Литва: ист. судьбы Северо-Зап. края: с одной хромолитогр., 99 гравюрами и карт. / Авт.: Н.И. Петров, И.И. Малышевский, М.И. Городецкий [и др.]; Изд. при М-ве внутр. дел П.Н. Батюшковым. – СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1890. – XXII, 376, 183 с.
13. Галенчанка, Г.Я. Царква на Беларусі / Г.Я. Галенчанка, Л.С. Іванова // Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / М.П. Касцюк, У.Ф. Ісаенка, Г.В. Штыхаў [і інш.]. – Мінск, АН Беларусі, Ін-т гісторыі, 1994. – Т. 1. – С. 169–179.
14. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб: Археографическая комиссия, 1846–1853.
15. Доўнар, Т.І. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т.І. Доўнар, У.М. Сатолін, Я.А. Юхо; рэдкал.: Т.І. Доўнар [і інш.]. – Мінск, 2003. – 250 с.

Но уже в 40-е годы XIX столетия из числа православных священников и государственных крестьян начала зарождаться национально ориентированная белорусская интеллигенция, а за годы советской власти из числа белорусов выросла техническая, научная, творческая и политическая народная элита, способная управлять государством, формулировать и отстаивать цели, задачи и интересы Беларуси. «Литвины» потеряли монополию на доминирующее положение в обществе и влияние на духовную жизнь. И в настоящее время их потомки не имеют ни морального, ни исторического права говорить от имени белорусского народа, называть его «литвинским» и по-прежнему отстаивать концепцию «адраджэння», навязанную ими в 1990-е годы молодой Республике Беларусь в качестве государственной историографии, отражающей не историю белорусского народа, а субъективные взгляды «литвинов» как отдельной социальной группы на прошлое нашей страны.

С другой стороны, со всем основанием сегодня можно сказать, что в ходе своего исторического развития белорусский народ тесно взаимодействовал с польской,

Илья Репин.
Косарь-литвин.
1894 год

литовской и российской цивилизациями, оказавшими значительное влияние на его национальную идентичность. Однако наши предки, белые русы, имели собственный геополитический вектор. Они мужественно отстояли в течение веков свою веру, культуру и традиции. Именно благодаря их самоотверженной стойкости мы сегодня сумели создать суверенную, независимую Республику Беларусь. И по мере укрепления ее государственности растет национальное самосознание белорусского народа, понимание как общности с литовцами, поляками и россиянами, с одной стороны, так и принципиальных различий с ними – с другой. Происходит непростое, порою противоречивое осознание своей роли и места во всемирной истории: мы – Белорусы, Русские Европейцы.

Вместе с тем, многоконфессиональный и полиэтничный народ современной Беларуси объединяет потомков и русинов, и литвинов, и россиян, и поляков, и иудеев, и татар, являющихся гражданами одного государства. И от внутреннего понимания необходимости единства, желания идти на компромиссы на основе исторической правды, объективной оценки событий прошлого во многом зависит социальная стабильность и мир на белорусской земле. ▀

16. Галенчанка, Г.Я. Царква, канфесія і нацыянальная свядомасць беларусаў у XV–XVI стст. / Г.Я. Галенчанка // Наш радавод: матэрыялы Міжнароднага канфер. «Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі XIII – пач. XX стст.» Гродна, 28 верасня – 1 кастрычніка 1992. / рэдкал.: Д. Караў, Г. Галенчанка, У. Конан (і інш.); – Кн. 4 (частка 1). – Гродна, 1992. – С. 45–48.
17. Цяпінскі, Васіль. Прадмова да Евангелля / В. Цяпінскі // Анталогія даўняй беларускай літаратуры: XI – першая палова XVIII ст. / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы; падрыхт.: А.І. Богдан [і інш.]; навук. рэд. В.А. Чамярыцкі. – 2-е выд., дапр. – Мінск: Бел. навука, 2005. – 1015 с.
18. Гудавичюс, Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года: (перевод) Эдвардас Гудавичюс. – М.: Фонд им. И.Д. Сытина: Baltrus, 2005. – 678 с.
19. Афанасий (Мартос, Антон Викентьевич, архиепископ). Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни / сост. и изд. архиепископ Афанасий Мартос, инок Почаевской лавры. Репринт. – Минск: Бел. Экзархат Рус. Православ. Церкви, 1990. – 262 с.
20. Латышоняк, А. Нацыянальнасць – Беларусь / А. Латышоняк; навук. рэд. А. Пашковіч. – 1-е выд. – Вільнюс: Інстытут беларусістыкі: Беларускае гістарычнае таварыства, 2009. – 558 с.
21. Порецкий, Я.И. Соломон Рысинский = Solomono Pantherus Leucorussus: Конец XVI – XVII в.в. / Я.И. Порецкий; науч. ред. О.Н. Лойко. – Минск: Изд-во БГУ, 1983. – 156 с.

22. Лойка, П.А. Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII ст. / П.А. Лойка. – Мінск: БДУ, 2002. – 98 с.
23. Ігнатоўскі, У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У.М. Ігнатоўскі; уступны артыкул А.П. Грыцкевіча; камент. і заўвагі Э.Н. Гнеўкі. – 5-е выд. – Мінск: Беларусь, 1992. – 191 с.
24. Марзалюк, І. Тэрміналогія этнічнай гісторыі Беларусі / І. Марзалюк // Гістарычны альманах: навук., гіст. і краязн. часоп. – Т. 9 (2003). – Гародня, 2003. – С. 113–123.
25. Спиридонов, М.Ф. Заславль в XVI в. / М.Ф. Спиридонов; Гос. ист.-культур. заповедник «Заславль». – Минск: ГИКЗ «Заславль», 1998. – 94 с.
26. Грыцкевіч, А.П. Сапегі / А.П. Грыцкевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. // рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Энцыкл., 2001. – Т. 6 – С. 223–227.
27. Ластоўскі, В.Ю. Кароткая гісторыя Беларусі / В.Ю. Ластоўскі; паслясл. А.П. Грыцкевіча. – Выд. факс. тыпу. – Мінск: Універсітэцкае, 1993. – 126 с.
28. Коялович, М.И. Чтения по истории западной России / М.И. Коялович. – 4-е изд. – Минск: БелЭн, 2006. – 476 с.
29. Пазднякоў, В. Сарматызм / В. Пазднякоў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Энцыкл., 2001. – Т. 6 – С. 230–231.
30. Левшун, Л. Концепт «литвины» в этнокультурном самосознании белорусов / Л. Левшун // Беларуская думка. – 2009. – № 11. – С. 102–109.